

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.2/.7

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-190-199>

Общественная опасность деяния в межотраслевом измерении

М. Н. Урда¹✉, А. О. Урда²

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

²ОГУ «Курскгражданпроект»
ул. Димитрова, д. 96/1, г. Курск 305004, Российская Федерация

✉ e-mail: urda.ru@rambler.ru

Резюме

Актуальность. В уголовно-правовой доктрине признак общественной опасности определяется как фундаментальный, позволяющий ограничить преступление от иных правонарушений. Усложнение существующих правоотношений и бессистемное развитие отраслевого нормотворчества ставят под сомнение это догматическое суждение. В таких условиях требует проверки целесообразность использования указанного признака как безусловного основания криминализации.

Целью исследования является оценка перспектив использования признака общественной опасности для криминализации деяния и ограничения преступления от иных правонарушений.

Задачи: изучение генезиса материального признака преступления с выявлением его уголовно-политической функции на этапе возникновения и в процессе эволюции.

Методология. Методологическую основу исследования составил всеобщий диалектический метод познания явлений и процессов окружающей действительности. В ходе разработки теоретических положений работы также применялись историко-правовой, формально-логический, формально-юридический, семантический и другие методы.

Результаты. Изначально признак общественной опасности имел принципиально иное уголовно-политическое значение. Он открывал широкие возможности для применения закона по аналогии. Вопрос об ограничении преступного от непроступного посредством его использования не ставился. В последующем размежевание охранительного законодательства и попытки придать отраслевую уникальность уголовному праву путем использования материального признака общественной опасности деяния вопрос о границах криминализации и пределах наказательной власти государства не решился, напротив, ситуацию усугубили. На примерах из практики, опираясь на суждения исследователей о сущности общественной опасности деяния, авторы статьи ставят под сомнение целесообразность использования этого признака как безусловного основания криминализации деяния.

Выводы. По результатам исследования авторы приходят к выводу, что в процессе криминализации деяния фокус внимания должен быть смещен с идеализированного признака общественной опасности на принципы криминализации: экономии репрессии, формальной определенности, межотраслевой согласованности и соразмерности, а также целесообразности криминализации (объявления преступлением) с позиции возможностей уголовного права влиять на реальные отношения, качественно их преобразовывая.

Ключевые слова: общественная опасность деяния; материальный признак преступления; криминализация деяния; межотраслевые связи.

Финансирование: Работа подготовлена в рамках выполнения государственного задания на 2024 г. «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих общества и государства» (№ 0851-2020-0033).

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Урда М. Н., Урда А. О. Общественная опасность деяния в межотраслевом измерении // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 3. С. 190–199. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-190-199>

Поступила в редакцию 02.05.2024

Принята к публикации 30.05.2024

Опубликована 28.06.2024

The public danger of an act in an intersectoral dimension

Margarita N. Urda¹, Artem O. Urda²

¹Southwest State University

50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

²Regional budgetary institution "Design Institute of Civil Engineering, Planning and Development of Cities and Villages "Kurskgrazhdanproekt"

96/1 Dimitrova Str., Kursk 305004, Russian Federation

✉ e-mail: urda.ru@rambler.ru

Abstract

Relevance. In the criminal law doctrine, the sign of public danger is defined as fundamental, allowing one to distinguish a crime from other offenses. The increasing complexity of existing legal relations and the unsystematic development of sectoral rule-making call into question this dogmatic judgment. The feasibility of using this characteristic as an unconditional basis for criminalization requires verification.

The purpose of the study is to assess the prospects for using the sign of public danger to criminalize an act and distinguish a crime from other offenses.

Objectives: study the genesis of the material sign of a crime with the identification of its criminal-political function at the stage of its emergence and in the process of evolution.

Methodology. The methodological basis of the study was the universal dialectical method of cognition of phenomena and processes of the surrounding reality. In the course of developing the theoretical provisions of the work, historical-legal, formal-logical, formal-legal, semantic and other methods were also used.

Results. Initially, the sign of public danger had a fundamentally different criminal and political meaning. It opened up wide possibilities for applying the law by analogy. The question of distinguishing the criminal from the non-criminal through its use was not raised. Subsequently, the demarcation of protective legislation and attempts to give sectoral uniqueness to criminal law by using a material sign of the social danger of an act did not resolve the issue of the boundaries of criminalization and the limits of the state's punitive power; on the contrary, the situation worsened. Using examples from practice, based on the judgments of researchers about the essence of the social danger of an act, the authors of the article question the advisability of using this feature as an unconditional basis for the criminalization of an act.

Conclusions. Based on the results of the study, the authors come to the conclusion that in the process of criminalization of an act, the focus of attention should be shifted from an idealized sign of social danger to the principles of criminalization: economy of repression, formal certainty, intersectoral consistency and proportionality, as well as the expediency of criminalization (declaring a crime) from the perspective of the possibilities of criminal the right to influence real relationships, transforming them qualitatively.

Keywords: social danger of an act; material sign of a crime; criminalization of an act; intersectoral connections.

Funding: The work was prepared as part of the implementation of the state task for 2024 "Transformation of private and public law in an evolving society and state" (No. 0851-2020-0033).

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Urda M.N., Urda A.O. The public danger of an act in an intersectoral dimension. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024;14(3):190–199. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-190-199>

Received 02.05.2024

Accepted 30.05.2024

Published 28.06.2024

Введение

В уголовно-правовой доктрине общественная опасность определяется как фундаментальный признак преступления [1, с. 391], раскрывающий его сущность

[2, с. 102] и позволяющий отграничить от иных правонарушений [3, с. 30]. Основу для такого суждения заложил сам законодатель, снабдив только преступление (ч. 1 ст. 14 УК РФ) признаком обще-

ственной опасности. Ни одно другое нормативно закрепленное правонарушение его не содержит¹.

В теории уголовного права изучению базовой категории общественной опасности деяния посвящено множество трудов. Исследовались онтологическая сущность общественной опасности [4, с. 76–80], ее использование в качестве основания криминализации/декриминализации деяния [5, с. 67–75], дифференциации ответственности [6, с. 19–30], предпринимались попытки верифицировать общественную опасность деяния [7, с. 124–140], сформулировать критерии ее определения [8, с. 207–215] и пр. Однако значение этого признака преступления в контексте соотношения с иными правонарушениями изучено недостаточно.

Между тем интенсификация нормотворчества и бессистемное внесение изменений как в регулятивное, так и в охранительное законодательство требуют решения насущных вопросов о том, позволяет ли закрепленный в уголовном законе признак общественной опасности деяния отграничить преступление от иного правонарушающего поведения, является ли он надежным основанием криминализации деяния. Настоящее исследование призвано восполнить этот пробел.

Методология

Методология исследования представлена следующими методами: диалектическим – при выявлении и разрешении противоречий толкования признака общественной опасности деяния; формально-логическим – при построении общей линии изложения материала и теоретической аргументации суждений; формально-юридическим – при осмыслении используемого нормативного материала;

¹ См., например, ст. 106 Налогового кодекса Российской Федерации, ст. 2.1 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, ст. 281 Бюджетного кодекса Российской Федерации и др.

историко-правовом – при выявлении уголовно-политического значения материального признака преступления. В работе использовались и другие методы исследования.

Результаты и их обсуждение

Идея материального определения преступления через использование признака общественной опасности зародилась в нашей стране в начале прошлого столетия и была вызвана принципиально иными соображениями, не связанными с отграничением преступного от не преступного. Она пришла на смену классическому (буржуазному), чуждому советской идеологии пониманию преступного как *nullum crimen sine lege*.

Как писал А. А. Пионтковский (сын): «Такое формальное определение преступления не раскрывает его сущности. Оно означает лишь утверждение, что преступлением является то, что законодатель считает таковым, но оно не способно ни в коей мере приблизить к пониманию того, почему именно это действие признается преступным. Ответ на этот вопрос может дать материальное определение преступления. Оно должно заключаться в указании на существенные общественные свойства того деяния, которое считается в уголовном законодательстве данного государства преступлением» [9, с. 21].

Материальный подход в определении преступления, противопоставленный формальному, имел фундаментальное значение для молодого строящегося государства новой формации не благодаря, а вопреки провозглашаемому сегодня его предназначению – отграничивать преступное от не преступного. Он открывал широкие возможности для применения закона по аналогии как «вспомогательного средства социалистического строительства».

Еще до первого нормативного закрепления материального определения преступления в ст. 6 Руководящих начал

по уголовному праву РСФСР 1919 г. судебным органам власти предоставлялись широкие полномочия по применению закона по аналогии. Мерилом преступного и непроступного выступало «социалистическое правосознание»¹. Логическим продолжением этих процессов стало включение в Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. не только материального определения преступления как всякого общественно опасного действия или бездействия, угрожающего основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени (ст. 6), но и положения о применении закона по аналогии (ст. 10).

В недрах советской уголовно-правовой науки зародился постулат: «Если с точки зрения буржуазного права противоправно только то действие, которое точно указано в законе, то с точки зрения социалистического права противоправно всякое действие, являющееся общественно опасным. Социалистическое уголовное право принципиально отрицает формальный принцип буржуазной демократии» [10, с. 13]. По этой причине применение закона по аналогии расценивалось как важное достижение советского уголовного права [11, с. 13].

Несколько позже, когда в целях «укрепления социалистической законности», как писал А. А. Пионтковский (сын) [9, с. 24], изменился подход к определению преступления, и он был заменен на формально-материальный, особой надобности в отграничении преступлений от иных правонарушений по-прежнему не было. Советское уголовное законодательство, кроме наказания, в разные годы содержало ссылки на меры социальной защиты и административные взыскания. Размежевания охранительного законодательства по отраслям не существовало вплоть до появления в 1984 г. КоАП РСФСР.

Как справедливо отмечает Т. Г. Понятковская, отмена аналогии уголовного закона при сохранении ее концептуального основания не означает отказа государства от расширения сферы своей наказательной власти. Материальный признак общественной опасности по-прежнему позволяет законодателю называть преступным практически любое деяние [12, с. 81]. Поэтому наряду с процессом гуманизации уголовного законодательства может наблюдаться одновременное расширение сферы уголовно-правового воздействия как на законодательном, так и на правоприменительном уровнях. Достаточно вспомнить «резиновые» составы хулиганства (ст. 206 УК РСФСР 1960 г.) и мошенничества (ст. 159 УК РФ 1996 г.).

Размежевание охранительного законодательства и попытки придать отраслевую уникальность уголовному праву посредством использования материального признака общественной опасности деяния вопрос о границах криминализации и пределах наказательной власти государства не решили, напротив, ситуацию усугубили.

Если административные проступки не опасны для общества или государства, как объяснить, чем вызвано установление в ряде случаев довольно серьезных санкций за их совершение? Еще сложнее это сделать, когда за одно и то же правонарушение юридическое лицо привлекается к административной ответственности, а его работник или руководитель – к уголовной (часто практикуется в оценке экологических бедствий антропогенного характера).

Встречаются также случаи привлечения и к административной, и к уголовной ответственности лица за одно и то же деяние, когда правонарушения смешанной противоправности не имеют четких критериев разграничения. Примером могут служить уголовно-правовые запреты фиктивной постановки на миграционный учет (ст. 322² и 322³ УК РФ), имеющие

¹ См., например, Положение о народном суде РСФСР 1918 г.

аналоги административных правонарушений об ответственности за представление ложных сведений в систему миграционного учета, аккумулированные в ст. 19.27 КоАП РФ¹.

Попытки «развести» проступки и преступления наблюдались еще в советской уголовно-правовой теории. Некоторые исследователи считали, что общественная опасность деяния – необходимое свойство преступления, при совершении дисциплинарного или административного оно отсутствует (Н. Д. Дурманов [13], М. А. Шнейдер [14] и др.). Другие, напротив, полагали, что каждое правонарушение именно потому таковым является, что представляет собой известную общественную опасность. В зависимости от степени этой опасности следует различать преступления и проступки (А. А. Пионтковский (сын) [15], А. Б. Сахаров [15], М. В. Турецкий [17] и др.).

В современной доктрине в попытке отграничить административное правонарушение от уголовно наказуемого деяния существует 3 основные точки зрения. Одни ученые исключают материальный признак из свойств административного правонарушения. В частности, Д. Н. Бахрах указывает на то, что «общественно опасным следует считать только такое деяние, которое причинило или реально способно причинить существенный ущерб общественным отношениям. Такие деяния в своей совокупности в определенной исторической обстановке нару-

шают условия существования данного общества. С этой точки зрения большинство административных правонарушений нельзя признать общественно опасными», допуская при этом некоторые исключения из общего правила, например, в отношении правонарушений, совершаемых юридическими лицами [18, с. 528–529].

Другие исследователи распространяют рассматриваемый признак как на преступления, так и на административные проступки. Так, по мнению Л. Л. Попова: «...для административных правонарушений присуща именно общественная опасность, как материальный признак любого правонарушения... единственная особенность такого признака – это степень общественной опасности, которая отличается по видам правонарушений...» [19, с. 153]. Схожей позиции придерживается Ю. М. Козлов [20, с. 87].

Третьи усматривают в административных правонарушениях только общественную вредность, в то время как материальным критерием (общественной опасностью) наделяют только преступление. Например, С. Д. Захарчук, Е. В. Матвеева полагают, что «действие (бездействие) лица, в результате которого не причиняется существенный вред функционирующим общественным отношениям, не обладает общественной опасностью и не может признаваться преступлением. Однако, если такое деяние все-таки причиняет вред общественным отношениям (не являющийся существенным), оно может быть отнесено к иным видам правонарушений. При этом данное деяние не обладает таким материальным признаком, как общественная опасность. Представляется, что оно должно обладать таким материальным признаком, как общественная вредность» [21, с. 36].

Думается, что попытки соотнести понятия «общественная вредность» и «общественная опасность» вряд ли явля-

¹ Показательным является дело Е., осужденного по ст. 322³ УК РФ, несмотря на то, что ранее он был привлечен к административной ответственности по ч. 2 ст. 19.27 КоАП РФ за совершение того же правонарушения. См.: Апелляционное постановление № 10-2/2015 от 30 ноября 2015 г. Максатихинского районного суда Тверской области // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 11.04.2024).

ются надежным способом отграничения преступлений от административных проступков, поскольку семантических отличий они не имеют. В современных словарях «вредоносный» определяется как «опасный» (С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова, Т. Ю. Ефремова, Д. Н. Ушаков).

Несмотря на отсутствие материального признака в нормативном определении административного правонарушения его «следы» присутствуют в КоАП РФ, например, при определении крайней необходимости (ст. 2.7 КоАП РФ), а также в формулировании некоторых составов административных правонарушений (ст. 6.1, 6.3, 9.1 КоАП и др.).

Н. А. Лопашенко считает невозможным использование признака общественной опасности в качестве критерия разграничения административного правонарушения и преступления. По ее мнению, доктринальный спор о роли признака общественной опасности в определении понятия преступления и административного правонарушения не имеет решения и является бесперспективным, поэтому «для разграничения административных правонарушений и преступлений следует искать иные критерии, более четкие и понятные» [22, с. 132].

Противоречия в разграничении уголовно наказуемых деяний и административных правонарушений объясняются особым историческим развитием российского уголовного и административного (полицейского) права, их относительным обособлением (размежеванием), которое обусловлено не столько различием в общественной опасности деяния, сколько процедурой наложения взыскания (наказания): административной или судебной [23, с. 16–17].

Ситуацию еще больше усугубляет небезосновательные, на наш взгляд, суждения о том, что все правонарушения, включая гражданские деликты, в той или иной степени опасны [24, с. 72]. Д. А. Ли-

пинский и А. А. Мусаткина отмечают, что «если деяние не представляет опасности для общества, т.е. не причиняет вреда общественным отношениям и не ставит их под угрозу причинения вреда, его нельзя признать правонарушением. Ошибочно считать, что только преступления обладают общественной опасностью» [25, с. 24].

О беспрецедентной опасности гражданского деликта свидетельствует дело по иску прокурора, поданного в защиту публичных интересов о взыскании с Норильско-Таймырской энергетической компании компенсации за вред, причиненный природе разливом топлива из-за аварии на ТЭЦ-3 в г. Норильске 29 мая 2020 г. Причиной экологической катастрофы стало нарушение правил хранения топлива на объектах ТЭЦ-3. Согласившись с прокурором, суд взыскал крупнейшую в истории арбитражной практики сумму компенсации причиненного экологии вреда в размере более 146 млрд руб.¹

Выводы

Категория «общественная опасность» не может служить надежным критерием отграничения преступного от непроступного. Этот признак не помогает, напротив, отвлекает от главного – решения вопроса о пределах криминализации и наказательной власти государства, не гарантирует от произвола властей. В вопросах определения преступного фокус внимания должен быть смещен с идеализированного признака общественной опасности деяния на принципы криминализации: экономии репрессии и

¹ Суд обязал «Норникель» выплатить 146 млрд рублей за разлив топлива в Норильске. Компании удалось сократить претензии государства лишь на 1,3% // РБК: сайт. URL: <https://www.rbc.ru/business/05/02/2021/601cfb6d9a7947666e740cda> (дата обращения: 11.04.2024).

формальной определенности. С учётом современных реалий в один ряд с ними следует поставить принципы межотраслевой согласованности и соразмерности, поскольку имеется устойчивая тенденция к расширению уголовно-правовых запретов со смешанной противоправностью.

Сами по себе вред или угроза его причинения не могут быть безусловным основанием криминализации деяния, даже если речь идет о сверхопасном деянии, например, экологическом. Необходи-

мо оценивать целесообразность криминализации (объявления преступлением) с позиции возможностей уголовного права влиять на реальные отношения, качественно преобразовывая их. В противном случае сохраняется риск превращения уголовного права в символическое. Это создает иллюзию решения проблем и приводит к прекращению поиска более эффективных инструментов и способов разрешения существующих противоречий.

Список литературы

1. Милюков С. Ф. Общественная опасность как фундаментальная категория уголовного права и криминологии // Общественная опасность в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии: материалы XIV Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30–31 мая 2024 г. М.: Юрлитинформ, 2024. С. 391–395.
2. Гогин А. А. Соотношение понятий общественной опасности и социальной вредности правонарушений // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1 (45). С. 102–107.
3. Герасимов А. М. Уголовное правонарушение и его элементы. М.: Юрлитинформ, 2020. 176 с.
4. Мирошниченко Д. В. Об общественной опасности как скандале (*scandalum*), или эмотивистская концепция преступления // Евразийская адвокатура. 2023. № 3 (62). С. 76–80.
5. Кузнецова Н. Ф. Значение общественной опасности деяний для их криминализации и декриминализации // Государство и право. 2010. № 6. С. 67–75.
6. Сергеева Е. Ю. Общественная опасность как основной признак преступления и инструмент дифференциации уголовной ответственности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 1. С. 19–30.
7. Обобщенная общественная опасность преступления: понятие и критерии верификации / Н. А. Лопашенко, А. В. Голикова, Е. В. Кобзева, Д. А. Ковлагина, М. М. Лапунин, К. М. Хутов // Правоприменение. 2020. № 4. С. 124–140.
8. Кобзева Е. В. Критерии общественной опасности деяния, учитываемые при дифференциации уголовной и иных видов юридической ответственности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 6(137). С. 207–215.
9. Курс советского уголовного права. Часть общая: в 6 т. Т. 2: Преступление / [АН СССР, Ин-т государства и права; ред. коллегия: заслуж. деят. науки РСФСР, чл.-кор. АН СССР А. А. Пионтковский и др.]. М.: Наука, 1970. 516 с.
10. Маньковский Б. Положение на фронте теории социалистического уголовного права. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. 36 с.
11. Пригов С. А. Преступление и наказание в рабоче-крестьянском государстве. Харьков: Юрид. изд-во Наркомюста УССР, 1925. 56 с.
12. Понятовская Т. Г. Концептуальные основы уголовного права России: история и современность: монография. М.: Проспект, 2022. 144 с.

13. Дурманов Н. Д. Понятие преступления. М. : Изд-во АН СССР, 1948. 315 с.
14. Шнейдер М. А. Советское уголовное право, часть Общая. М.: Госюриздат, 1955. 140 с.
15. Пионтковский А. А. Усиление роли общественности в борьбе с преступностью и некоторые вопросы теории советского уголовного права // Советское государство и право. 1961. № 4. С. 60–70.
16. Сахаров А. Б. Должностные преступления и дисциплинарный проступок // Советское государство и право. 1955. № 2. С. 60–67.
17. Турецкий М. В. Уголовная ответственность и ответственность дисциплинарная. М.: Изд-во МГУ, 1957. 24 с.
18. Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Старилов Ю. Н. Административное право. 3-е изд., пересмотр. и доп. М.: Норма, 2005. 800 с.
19. Попов Л. Л., Козлов Ю. М., Овсянко Д. М. Административное право / под ред. Л. Л. Попова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2005. 703 с.
20. Козлов Ю. М. Административное право. М.: Юристъ, 1999. 320 с.
21. Захарчук С. Д., Матвеева Е. В. Административное правонарушение: общественно опасное или общественно вредное деяние // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 3 (38). С. 29–38.
22. Лопашенко Н. А. Межотраслевая дифференциация: модель критериев, учитываемых при криминализации деяний // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, № 4(29). С. 131–136.
23. Изюмова Е. С. Разграничение административного правонарушения и преступления в законодательстве советского периода (1917–1991 гг.) // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 3(30). С. 14–19.
24. Пусурманов Г. В. О составе гражданско-правового деликта // Журнал правовых и экономических исследований. 2024. № 1. С. 69–78.
25. Липинский Д. А., Мусаткина А. А. Общественная опасность правонарушения в научных и законодательных определениях России и зарубежных стран // Вопросы безопасности. 2015. № 3. С. 24–44. <https://doi.org/10.21869/2409-7543.2015.3.15941>

References

1. Milyukov S.F. Public danger as a fundamental category of criminal law and criminology. In: Public danger in criminal, penal enforcement Law and criminology: materials of the XIV Russian Congress of Criminal Law, held on May 30-31, 2024. Moscow: Yurlitinform; 2024. P. 391–395. (In Russ.)
2. Gogin A.A. Correlation of concepts of public danger and social harmfulness of offenses. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii = Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019;1(45):102–107. (In Russ.)
3. Gerasimov A.M. Criminal offense and its elements. Moscow: Yurlitinform; 2020. 176 p. (In Russ.)
4. Miroshnichenko D.V. About public danger as a scandal (scandalum), or the emotivist concept of crime. *Evrasijskaya advokatura = Eurasian Advocacy*. 2023;(3):76–80. (In Russ.)
5. Kuzneczova N.F. Znachenie obshhestvennoj opasnosti deyanij dlya ikh kriminalizacii i dekriminalizacii. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*. 2010;(6):67–75. (In Russ.)

6. Sergeeva E.Y. Public danger as the main sign of a crime and a tool for differentiating criminal liability. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021;11(1):19–30. (In Russ.)
7. Lopashenko N.A., Golikova A.V., Kobzeva E.V., Kovlagina D.A., Lapunin M.M., Khutov K. M. (eds.) Public danger of crime: the concept and criteria of verification. *Pravoprimenenie* = *Law enforcement*. 2020;(4):124–140. (In Russ.)
8. Kobzeva E.V. Criteria of public danger of an act taken into account when differentiating criminal and other types of legal liability. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii* = *Bulletin of the Saratov State Juridical Academy*. 2020;(6):207–215. (In Russ.)
9. The course of Soviet criminal law. General part. Vol. 2. Crime. Moscow: Nauka; 1970. 516 p. (In Russ.)
10. Man kovskij B. The situation on the front of the theory of socialist criminal law. Moscow: Yurid. izd-vo NKYu SSSR; 1938. 36 p. (In Russ.)
11. Prigov S.A. Crime and punishment in the workers' and peasants' State. Kharkov: Yurid. izd-vo Narkomyusta USSR; 1925. 56 p.
12. Ponyatovskaya T.G. Conceptual foundations of Russian criminal law: history and modernity. Moscow: Prospekt; 2022. 144 p. (In Russ.)
13. Durmanov N.D. The concept of crime. Moscow: Izd-vo AN SSSR; 1948. 315 p. (In Russ.)
14. Shnejder M.A. Soviet criminal law, General part. Moscow: Gosyurizdat; 1955. 140 p. (In Russ.)
15. Piontkovskij A.A. Strengthening the role of the public in the fight against crime and some issues of the theory of Soviet criminal law. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* = *The Soviet State and Law*. 1961;(4):60–70. (In Russ.)
16. Sakharov A.B. Official crimes and disciplinary misconduct. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* = *The Soviet State and Law*. 1955;(2):60–67. (In Russ.)
17. Tureczkij M.V. Criminal and disciplinary liability. Moscow: Izd-vo MGU; 1957. 24 p. (In Russ.)
18. Bakhrakh D.N., Rossinskij B.V., Starilov Y.N. Administrative law. 3rd ed. Moscow: Norma; 2005. 800 p. (In Russ.)
19. Popov L.L., Kozlov Y.M., Ovsyanko D.M. Administrative law / pod red. L. L. Popova. 2nd ed. Moscow: Yurist; 2005. 703 p. (In Russ.)
20. Kozlov Y.M. Administrative law. Moscow: Yurist; 1999. 320 p. (In Russ.)
21. Zakharchuk S.D., Matveeva E.V. Administrative offense: socially dangerous or socially harmful act. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* = *Law and order: history, theory, practice*. 2023;(3):29–38. (In Russ.)
22. Lopashenko N.A. Intersectoral differentiation: a model of criteria taken into account when criminalizing acts. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2018;8(4):131–136. (In Russ.)
23. Izyumova E.S. Differentiation of an administrative offense and a crime in the legislation of the Soviet period (1917-1991). *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* = *Law and order: history, theory, practice*. 2021;(3):14–19. (In Russ.)
24. Pusurmanov G.V. On the composition of a civil tort. *Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy* = *Journal of Legal and Economic Research*. 2024;(1):69–78. (In Russ.)

25. Lipinskij D.A., Musatkina A.A. The public danger of an offense in scientific and legislative definitions of Russia and foreign countries. *Voprosy bezopasnosti = Security issues*. 2015;(3):24–44. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2409-7543.2015.3.15941>

Информация об авторах / Information about the Authors

Урда Маргарита Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник НОЦ «Цивилист» кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: urda.ru@rambler.ru, ORCID: 0000-0002-1711-3031, Researcher ID: AAD-3227-2021

Урда Артем Остапович, юрисконсульт, Областное бюджетное учреждение «Проектный институт гражданского строительства, планировки и застройки городов и поселков "Курскгражданпроект"», г. Курск, Российская Федерация, e-mail: urdaaa@mail.ru, ORCID: 0009-0001-7296-3784

Margarita N. Urda, Candidate of Sciences (Juridical), Senior Researcher of the Scientific of the Educational Center “Civilist” of the Department of Civil Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: urda.ru@rambler.ru, ORCID: 0000-0002-1711-3031, Researcher ID: AAD-3227-2021

Artem O. Urda, Legal Consultant, Regional budgetary institution “Design Institute of Civil Engineering, Planning and Development of Cities and Villages “«Kurskgrazhdanproekt»”, Kursk, Russian Federation, e-mail: urdaaa@mail.ru, ORCID: 0009-0001-7296-3784